ОТЗЫВ

официального оппонента на диссертацию Фалева Егора Валерьевича
«Эволюция метода в философии Мартина Хайдеггера»,
представленную на соискание ученой степени доктора философских наук
по специальности 09.00.03 – история философии

Темой диссертационного исследования Е.В. Фалева выступает становление и развитие метода философского мышления Мартина Хайдеггера. В свете эволюции метода автор выделяет основные этапы хайдеггеровского творчества, раскрывает их специфику и прослеживает логику развертывания мысли немецкого философа.

Необходимо отметить, что в понимании метода Е.В. Фалев возвращается к изначальной греческой его трактовке как пути, способа мышления. Тем самым он дистанцируется от характерного для метафизики Нового времени истолкования метода как техники достижения объективности и общезначимости. Это истолкование лежит в основе современной машинерии по производству объективного знания (Betrieb), ведущей к смысловому опустошению жизни. Автор в своем исследовании, проясняя концепции Гуссерля и Хайдеггера, вносит вклад в раскрытие истоков и смысла идеи объективности и объективистски понятого метода. Тем самым его историко-философское изыскание уже на уровне предварительного определения темы – различения смыслов метода – приобретает философскую актуальность, выступая как «критика современности».

В историко-философском аспекте актуальность исследования также не вызывает сомнений. Она обусловлена как значимостью идей Хайдеггера и масштабом их влияния на современную философию, так и определяющей ролью метода в философском творчестве Хайдеггера. Еще в ранний период своего философского развития немецкий философ постоянно подчеркивал, что феноменология равно как и подлинная философия вообще – это не концепция того или иного мыслителя, или могущая быть развернутой на ее основе система, но метод как способ видеть и мыслить. Такое понимание значения метода в целом сохраняется у Хайдеггера и в дальнейшем. Поэтому разработка Е.В. Фалевым темы хайдеггеровского метода одновременно выступает и способом прояснения существа философии Хайдеггера в целом. Кроме того, исследование автором мотивов развития метода в философии Хайдеггера, и, в частности, его полемики с гуссерлевской трактовкой метода, обладает актуальностью в более специальной области историко-философского исследования – в истории феноменологической философии, способствуя прояснению идеи феноменологии как таковой. Это пояснение совершенно необходимо в современной

философской ситуации как в связи с расхождением версий феноменологической философии, так и по причине появления идеи постфеноменологии.

Свое исследование Е.В. Фалев по преимуществу развертывает на основе герменевтического метода, который он вычленяет и эксплицирует у Хайдеггера, прослеживая далее движение его конкретизации немецким мыслителем. Такой подход демонстрирует рефлексивность автора, поскольку результат исследования – хайдеггеровский герменевтический метод, смысл которого проясняется и уточняется Е.В. Фалевым в ходе работы, – применяется к исследованию логики развития метода хайдеггеровской философии.

В своей работе Е.В. Фалев осуществляет последовательный анализ и реконструкцию метода хайдеггеровского мышления, начиная от ранних произведений, подробно останавливаясь на «Герменевтике фактичности» (1923) и «Бытии и времени» (1927), и завершая осмыслением определяющих работ после «поворота». Реализация замысла осуществляется посредством углубления в материал хайдеггеровских произведений с использованием все более широкого круга историко-философских источников. Автор привлекает для прояснения труднейших для понимания идей Хайдеггера – таких как Entschlossenheit, Verfallen, Ereignis и ряда других, – самые отдаленные историко-философские концепции: критику Аристотеля со стороны Бруно, неоплатонистическую концепцию эманации, понятия ведантизма и махаяны, идеи даосизма, демонстрируя при этом большую эрудицию и тонкость историко-философского чутья. Используется также англо-американская (Кизиль, Дрейфус и др.) и немецкая (Тугендхат, фон Херманн и др.) комментаторская хайдеггероведческая литература.

Диссертация изложена ясным языком и подчинена строгой логике. В настоящем сочинении это не плод философского наития, а результат продуманной и методичной философской работы. Ясность языка автора вытекает из хорошо им разработанного (в свете хайдеггеровских концепций выражения, понимания и истолкования) аспекта отношения языка философии к языку естественной установки, а логика изложения соответствует вскрытой им смысловой истории хайдеггеровского метода.

Первую часть диссертации, «Метод экзистенциальной дедукции категорий в работах М. Хайдеггера 1919–1927 гг.» автор посвящает экспликации методов формального указания и экзистенциальной дедукции. Отправным пунктом размышления автора о методе Хайдеггера выступает «кризис фактичности», который стал ощущаться в философии и культуре в конце XIX века. Философия внесла существенный вклад в него посредством своей гносеологической критики естественной установки. В свете этой критики обыденное

и научное мышление оценивались как проекция свойственного им метода мышления, т.е. как объективация их собственных познавательных структур. Попытки «укрепления фактичности» неокантианцами (через отнесение фактов к ценностям) и гуссерлевской феноменологией (через отнесение их к априорным структурам трансцендентального сознания), по мнению автора, Хайдеггер считал неудовлетворительными ввиду того, что они сводили фактичность к иному, чем она сама; идеализировали ее и одновременно упускали из виду характерную для нее силу непосредственной убедительности (С. 30–31).

Свой метод «формального указания» Хайдеггер разрабатывает для цели постижения дорефлексивной фактичности, «обладания исходным нечто», каковое не может быть схвачено тематически или теоретически. Автор подчеркивает, что, с точки зрения Хайдеггера философские понятия значимы лишь постольку, поскольку являются формальными указаниями. Формальное указание, таким образом, с одной стороны, предоставляет доступ к изначальному, с другой – обладает достаточной степенью свободы, чтобы не подчиняться навязываемым традицией опредмечивающим, теоретизирующим способам мышления.

Е.В. Фалев справедливо полагает, что метод формального указания, не упоминающийся в более поздних работах Хайдеггера, продолжает направлять мышление немецкого философа и в дальнейшем; более того, этот метод Хайдеггером конкретизируется и перерастает в метод экзистенциального фундирования или экзистенциальной дедукции, нацеленный на выявление онтологического основания базовых категорий сущего или базовых категорий опыта (С. 36). Свою трактовку хайдеггеровского метода как дедукции автор возводит к выведению чистых понятий рассудка и форм созерцания во втором издании кантовской «Критики чистого разума».

Работу метода экзистенциальной дедукции автор демонстрирует на примере экзистенциального фундирования пространства и времени в рамках хайдеггеровской экзистенциальной аналитики повседневного существования Dasein. Е.В. Фалев предваряет эту демонстрацию экспликацией критики Хайдеггером идеи чистого (незаинтересованного) субъекта. Уразумение существа этой критики должно, по мнению автора, подготовить к постижению метода хайдеггеровского мышления.

Суть экзистенциальной дедукции состоит в демонстрации того, каким образом забота как основной экзистенциал Dasein сообщает смысл и тем самым оформляет мир нашего повседневного и научного опыта (С. 46). Применительно к поставленной задаче это означает, что необходимо вывести онтическое пространство из экзистенциальной пространственности, а онтическое время из экзистенциальной временности, а их, в свою

очередь, раскрыть как проявления заботы как базового экзистенциала. Раскрытие дедукции сопровождается у автора экспликацией характера хайдеггеровской критики гуссерлевской «дедукции» объективного пространства и времени из чистого субъекта. Ход хайдеггеровской дедукции пространства сжато представлен автором на схеме (С. 65).

Параллелизм дедукции пространства и дедукции времени, выявленный Е.В. Фалевым, демонстрирует, что Хайдеггер следует здесь одному методу (С. 93). Это, на мой взгляд, одна из самых важных и новаторских идей автора в первой части диссертации. Как представляется, способствовало этому открытию постоянное различение Е.В. Фалевым порядка дедукции, порядка обнаружения и порядка изложения в работе Хайдеггера. Оно и создало условие возможности для выделения метода мышления Хайдеггера в чистом виде.

Идея параллелизма, наряду с раскрытием характера преобразования формального указания в экзистенциальную дедукцию и экспликацией характера хайдеггеровской критики феноменологии Гуссерля, являются основными новациями первой части исследования.

Во второй части работы, «Герменевтический метод М. Хайдеггера», Е.В. Фалев демонстрирует, как углубление методологической рефлексии Хайдеггера ведет его к осознанию своего метода мышления как герменевтического. Более того, автор полагает, что ретроспективно и формальное указание и экзистенциальная дедукция, будучи разновидностями истолкования, являются частными случаями герменевтического метода (С. 105). В ходе дальнейшего исследования демонстрируется углубление понимания Хайдеггером герменевтического метода и его определяющая роль в формировании беспонятийного мышления Хайдеггера после «поворота». Автор особо выделяет значение в этом процессе осмысления Хайдеггером «герменевтического круга».

В первых главах второй части работы рассматриваются вопросы об отношении герменевтики Хайдеггера к философии жизни и к феноменологии Гуссерля. Автор отмечает определяющее значение для формирования герменевтического метода Хайдеггера и для развития его философии в целом вышедшей в 1923 году переписки Дильтея и графа Йорка и, в частности, содержащего в ней обсуждения проблемы историчности (Geschichtlichkeit). Примечательно, что Е.В. Фалев напрямую выводит хайдеггеровскую идею неинтенционального постижения явлений из дильтеевской концепции понимающего метода, и в частности, из его трактовки понимания «чужой жизни» как отождествления истолковывающего с истолковываемым (С. 114–115). Влияние Ницше на Хайдеггера автор оценивает как двоякое и указывает, что до «поворота» оно остается скрытым. С одной стороны, Ницше является для Хайдеггера пророком нигилизма, с другой, – свидетелем

изначального опыта божественного, опыта «покинутости». Сверх того, автор демонстрирует, сколь существенное воздействие оказал на метод мышления Хайдеггера ницшевский перспективизм как требование обращать внимание на точку зрения и горизонт, в котором осуществляется познание, а также демонстрирует тенденции в его хайдеггеровском переосмыслении. В частности, отмечается, что у Ницше критерием для выстраивания иерархии точек зрения была «жизнь», а у Хайдеггера им становится «бытие» (С. 122).

Рассматривая роль Гуссерля в развитии хайдеггеровской герменевтики, автор выделяет ряд периодов в отношении Хайдеггера к гуссерлевской феноменологии. Он отмечает, что в ходе хайдеггеровского философского развития оценка гуссерлевской феноменологии становится все более критической, но, по его справедливому замечанию, в «Герменевтике фактичности» (1923), она еще не сопровождается осознанной рефлексией, а лишь выражает чувство отторжения. Но в «Бытии и времени», по мнению автора, онтологизация герменевтики делает Хайдеггера значимой фигурой за пределами феноменологической традиции.

Вообще, следует отметить, что в работе постоянно подчеркивается, что Хайдеггер «был вынужден» работать как «феноменолог» и в рамках «феноменологии» (С. 129). К числу основных идей гуссерлевской феноменологии развиваемых Хайдеггером, относятся категориальное созерцание и интенциональность, и прослеживается их трансформация в хайдеггеровской герменевтике. Категориальное созерцание, по мнению автора, превращается у Хайдеггера во внутреннюю артикулированность мира практических забот в пространстве взаимосвязи отсылок, в логику практического смысла. Е.В. Фалев обозначает эту трансформацию как переход от гуссерлевской Sache к хайдеггеровскому Ding, вещи, взятой в ее вещественности. В дальнейшем прослеживается хайдеггеровская критика гуссерлевских понятий интенциональности и трансцендентальной субъективности. Ее истоки автор видит в различном понимании Гуссерлем и Хайдеггером сознания и «бытийного полагания». Он различает сознание как свет, который освещает все вокруг, в том числе и себя (гуссерлевское понимание) и сознание как луч внимания, которое может стать предметом для самого лишь опосредованно, через истолкование инобытия, на которое оно первоначально направлено (хайдеггеровское понимание), а также проясняет это различие обращаясь, к концепциям сознания в древней и средневековой индийской философии. Интенциональность у Хайдеггера, благодаря внесению им ряда поправок, в свою очередь трактуется как «набросок». Суть трансформации этого понятия Е.В. Фалев видит в том, что от абстрактной идеи смыслополагания, Хайдеггер переходит к полаганию

смысла бытия и осмысливает «субъект» этого полагания с точки зрения его бытийных возможностей, т.е., как Dasein как находящееся в мире. Внутренней пружиной отхода Хайдеггера, как и до него Шпета, от гуссерлевской феноменологии автор считает отказ от отказа от естественной установки. Этот ход мысли, по мнению Е.В. Фалева, и позволяет Хайдеггеру создать герменевтическую онтологию.

Анализируя на основе предшествующих рассуждений герменевтический метод в «Герменевтике фактичности» автор приходит к новаторской мысли, что в термине Dasein акцентируется не онтологический смысл, а жизненный аспект, поскольку само Dasein как порождающее смыслы рассматривается через призму одного из законов смысла – того, что смысл всегда задается контекстом, смысловым горизонтом (С. 152). Dasein, в этой перспективе задается через отношение с остальными и формирует свое представление о себе на основе мнений других, на базе признания, а потому всегда первоначально дано себе в свете истолкованности. На этой основе автор выделяет два смысловых пласта в хайдеггеровском герменевтическом понимании Dasein, один из которых относится к области жизненных проявлений, второй – к сфере бытийных определений. Исходя из этого развертывается анализ экзистенциалов. Соответственно, действительность трактуется как само Dasein в модусе наброска, обусловленного взаимосвязью отсылок и заботой, артикулирующей себя в значениях, размечающих мир.

Постановку вопроса о бытии в рамках развертывания герменевтического метода в «Бытии и времени» автор рассматривает как следствие трех кризисов: мировоззрения, науки и феноменологии. Герменевтика ставит вопрос о бытии интенционального, который был упущен в феноменологии.

Отталкиваясь от этого вопроса, Е.Ф. Фалев прослеживает этапы развития герменевтического метода как в «Бытии и времени», так и после «поворота». И, в частности, он акцентирует новую роль языка в хайдеггеровской трактовке понимания и выделяет новую, более глубокую трактовку герменевтического круга, к которой Хайдеггер приходит на основе истолкования поэзии Гельдерлина. Е.Ф. Фалев отмечает, что «субъект» (предпонимание) – является лишь отправным пунктом для герменевтического философствования этого периода. Исходя из последовательно проведенной идеи перспективизма, путь герменевтического философствования пролегает через «местность поэтической страны», как пространство, содержащее в себе все возможные точки зрения. Идти по своему пути в этой местности, значит менять точку зрения, и тем самым менять себя. Изменение точки зрения всякий раз является событием мира, которым затронуто все, что в нем есть. (С. 258).

Но основе представленного герменевтического метода автор эксплицирует хайдеггеровскую трактовку истории и реконструирует ее экзистенциальную дедукцию (С. 288 и след.). С ее учетом Е.В. Фалевым реконструируется хайдеггеровское истолкование истории философии и ее метода.

Наиболее значимыми и новаторскими в диссертационном исследовании Е.В. Фалева мне представляются следующие моменты.

1. Реконструкция мотивов и характера преобразования метода формального указания в экзистенциальную дедукцию.
2. Экспликация этапов развертывания экзистенциальной дедукции.
3. Раскрытие мотивов и характера критики Хайдеггером феноменологии.
4. Демонстрация герменевтического преобразования экзистенциальной дедукции.
5. Раскрытие линий преобразования самого герменевтического метода и, в частности, проблематизация идеи «предпосылочности» в ходе нового истолкования «герменевтического круга».

Работа выполнена на высоком профессиональном уровне, с использованием широчайшего историко-философского материала, охватывающего как западную, так и восточную философию. Исследование выстроено логично и последовательно. Применение методов на каждом этапе исследования методически обосновывается, демонстрируя высокий уровень рефлексивного философского анализа. Прояснение хода мысли и способа мышления Хайдеггера на отдельных этапах осуществляется Е.В. Фалевым с привлечением контекста хайдеггеровских произведений, некоторые из которых в тексте диссертации даже не упоминаются, но свободная ориентация автора в которых заметна подготовленному читателю.

Между тем работа имеет ряд недостатков.

1. Прежде всего, обращают на себя внимание пробелы в обзоре исследовательской литературы по теме. Автор по преимуществу ограничивается рассмотрением англо-американских концепций. Они, безусловно, значимы. Однако из немецких концепций рассматривается лишь трактовка фон Херманна, и в результате почти вся богатейшая традиция немецкого хайдеггероведения – упомяну лишь таких авторов как К. Хельд, Г. Фигаль, Х-Г. Гандер – остается без внимания. Из отечественных авторов, Е.В. Фалев упоминает лишь А.Г. Чернякова, И.А. Михайлова и А.Г. Дугина. В то же время без внимания остаются такие произведения значимые произведения как «Ранний Хайдеггер» В.В. Бибихина, «Мартин Хайдеггер и Ханна Арендт» Н.В. Мотрошиловой и «Основные черты

постметафизической онтологии» Е.В. Борисова. Это приводит к тому, что автор в некоторых моментах своего анализа не замечает результатов уже проделанной комментаторами работы. Например, В.В. Бибихиным в упомянутой книге уже было продемонстрировано, что метод формального указания является сквозным для творчества Хайдеггера. В целом в тексте диссертации ощущается недостаток работы на среднем уровне. Если широкий историко-философский контекст и, напротив, углубление в детали хайдеггеровских произведений представлены очень хорошо, то экспликация трактовок хайдеггеровской философии и полемика с комментаторами в проблемных местах почти отсутствуют.

2. Ранее уже было отмечено, что в работе постоянно подчеркивается, что Хайдеггер «был вынужден» работать как «феноменолог» и в рамках «феноменологии» (С. 129). Логика Е.В. Фалева здесь понятна. Подразумевается что Хайдеггер весьма рано, возможно под непосредственным влиянием Ницше, осознал «предпосылочность», «перспективный характер» жизни и любого рода познания, тогда как Гуссерль – адепт принципа беспредпосылочности, защитник теоретического. И в этой связи, автор полагает, что работа в рамках феноменологии имела для Хайдеггера вынужденный характер, а сам Хайдеггер уже в 1923 году был феноменологом лишь номинально (С. 130). Однако следует обратить внимание на то, что дискуссия о том, предпосылочно или беспредпосылочно видение, осмысленна только в том случае, когда «видение» уже сформировано, т.е. в нашем случае, когда поставлено, натренировано категориальное созерцание и развернута конститутивная проблематика, как бы они и их истоки не трактовались в дальнейшем. Однако постановка категориального видения, различения как формальных, так и материальных регионов сущего, и раскрытие поля опыта сущего для его философской проблематизации – или, по меньшей мере, их актуализация – есть дело и заслуга феноменологии. И именно этому учился и научился Хайдеггер у Гуссерля. Это феноменологическое видение, как я полагаю, сохраняется в философии независимо от его последующих трактовок и является их условием. А потому мнение о вынужденном и номинальном характере хайдеггеровской принадлежности феноменологии я считаю необоснованным.

3. Отмечу еще одно упущение. Эксплицируя свою методологию исследования, Е.В. Фалев совершенно справедливо утверждает, что оценку исторических форм философии нельзя осуществлять на основе внешних по отношению к ним

критериев, будь то современный уровень знаний или предпосланные идеалы научности философии. В качестве примера такой внешней критики он приводит критику Гуссерлем Декарта в «Парижских докладах» (С. 23). Мне думается, что более неудачного примера нельзя было придумать. В «Парижских докладах» и выросших из них «Картезианских медитациях» Гуссерль ведет критику декартова хода мысли в «Размышлениях о первой философии» посредством «вчувствования», «вживания» в «живой дух» французского философа, который он противопоставляет декартовой философской системе. Иначе говоря, Гуссерль критикует «букву» в свете «духа». Более того, развиваемую им в это период феноменологию он прямо именует «неокартезианством». Ни о какой «внешней критике» Гуссерлем Декарта, особенно применительно к «Парижским докладам» и «Картезианским медитациям», как я полагаю, не может быть речи.

Впрочем, выявленные недостатки не отменяют общей положительной оценки диссертационной работы Е.В. Фалева. Не вызывает сомнений высокий профессиональный уровень историко-философского исследования, равно как и основательность проведенных автором изысканий. Поставленная в нем задача раскрытия характера и мотивов развития метода Хайдеггера успешно решена. Актуальность, значимость и новизна исследования несомненны. Результаты исследования могут быть практически применены для разработки лекционных курсов по истории герменевтики, философии истории, истории западной философии. Автореферат соответствует содержанию диссертации, результаты диссертационного исследования отражены в монографиях «Герменевтика Хайдеггера» (СПб.: Алетейя, 2008), «История философии второй половины XIX – начала XX века. Избранные главы» (М.: Инфра-М, 2013), статьях в «Вестнике МГУ» и других публикациях автора, в том числе в изданиях из Перечня ведущих рецензируемых научных журналов и изданий, в которых должны быть представлены основные научные результаты диссертации на соискание ученой степени доктора наук.

В заключение следует отметить, что диссертационная работа Е.В. Фалева является самостоятельным и оригинальным исследованием, проведенным автором на высоком методологическом уровне и хорошо обоснованным. Она обладает актуальностью, новизной и теоретической значимостью. Работа вносит существенный вклад в развитие отечественной историко-философской науки. Диссертационное исследование Е.В. Фалева полностью соответствует требованиям, предъявляемым ВАК РФ к докторским диссертациям на соискание ученой степени доктора философских наук по специальности 09.00.03 – история философии, отвечает П.9 «Положения о присуждении ученых

степеней», утверждённого Постановлением Правительства РФ № 842 «О порядке присуждения учёных степеней» от 24.09.2013 г., автор диссертации Фалев Егор Валерьевич заслуживает присвоения искомой степени доктора философских наук по специальности 09.00.03 – история философии.

Официальный оппонент,
доктор философских наук,
ведущий научный сотрудник сектора
истории западной философии
Института философии РАН Алексей Эдуардович Савин

Подпись доктора философских наук
А.Э. Савина удостоверяю:
Ученый секретарь А. Ф. Яковлева

23.04.2015

Почтовый адрес института: Федеральное государственное бюджетное учреждение науки Институт философии Российской академии наук, 119991, Россия, Москва, ул. Волхонка, 14, строение 5.
Тел.: (495) 697-91-98
e-mail: iph@iph.ras.ru